

Тюменской областной писательской организации — 55 лет

СОХРАНЯЯ ВЕРНОСТЬ ТРАДИЦИЯМ

*Редакция газеты
«Омское время» сердечно
поздравляет Тюменское
региональное отделение
Союза писателей России.
Новых книг и процветания,
дорогие друзья!*

В 1963 году на территории области, тогда единой с Ямало-Ненецким и Ханты-Мансийским автономными округами, проживало шесть членов Союза писателей. На учёте они состояли в соседних регионах и при поддержке обкома партии решили создать свою организацию. Её основателями стали Иван Истомин, Михаил Лесной, Иван Ермаков, Василий Еловских, Владислав Николаев и Константин Лагунов. Именно Лагунов был избран руководителем организации и потом переизбирался на протяжении двадцати лет.

Можно с завистью вспоминать то время, когда писательское слово высоко ценилось (в том числе и суммой гонимых за книги), когда отношение к людям творческой профессии было уважительным как у власти, так и народа, когда в Западную Сибирь ехали с писательскими десантами десятки именитых поэтов и прозаиков большой Советской страны, но будет неправильным считать, что только благодаря этому с каждым годом рос и укреплялся авторитет писательского сообщества области.

Несколько примеров из отчётов. Только за первый год существования писательской организации было проведено три читательские конференции, более ста литературных вечеров в библиотеках, издано 38 книг местных авторов. И это при том строгом отборе художественных произведений, который существовал при Советской власти.

Вскоре на учёт встал совсем ещё молодой Юван Шесталов, чуть позднее получивший Государственную премию за повесть «Синий ветер каслания», открывшую целое явление в литературе. Затем в Союз был принят Леонид Лапцуй, следом Евгений Ананьев-Шерман, Зот Тоболкин, Геннадий Сазонов, Раи-

са Лыкосова, Евгений Вдовенко, Николай Денисов, Сергей Шумский, Еремей Айпин, Любовь Заворотчева, Владимир Нечволода, Николай Шамсутдинов (в настоящее время возглавляет отделение СРП), Анна Неркаги. И в начале 80-х годов Тюменская областная организация стала считаться одной из крупнейших и самых сильных в Советском Союзе.

В 90-х, когда под лозунгом развития демократии шёл развал всего и вся, распалась на три самостоятельных и наша писательская организация. Свои появились на Ямале и в Югре, да и сам Союз разделился на Союз писателей России и Союз российских писателей. В оправдание этого неизбежного в то время процесса, когда творческие организации перестали финансироваться государством, можно сказать, что единая на огромной территории от Казхстана до Ледовитого океана в этих условиях и не смогла бы существовать по той простой причине, что собраться вместе хотя бы раз в год для решения стратегических вопросов уже не было никакой возможности.

Но зато появилась Ассоциация писателей Урала и Сибири во главе с Александром Керданом, объединяющая писательские сообщества огромной территории. Что касается Тюмени, Константина Лагунова в руководстве сменил Сергей Шумский, затем два года был у руля Анатолий Васильев, с 2005 года по 2014 ответственным секретарём избирался Николай Денисов, а в 2014 году коллеги доверили эту общественную должность мне.

В настоящее время у нас на учёте состоит 35 человек, но к этому числу можно смело приплюсовать тех, кто формально числится на учёте на Ямале и в Югре, но уже много лет живёт в Тюмени

и принимает активное участие в писательских делах нашей организации, ходит на наши собрания, творческие вечера, встречи с читателями, заседания клуба любителей литературы, что уже восемь лет работает при областной научной библиотеке, выезжает с нами в отдалённые районы. Назову лишь несколько имён в надежде, что руководство их организаций не воспримет это с какой-то ревностью. Это один из мэтров Севера Новомир Патрикеев, неутомимый Григорий Кайгородов, все успевающий Павел Плюхин, великий скромница Дмитрий Сергеев, коллеги из СРП Александр Аханов, Анвар Исмагилов, Екатерина Володина...

Смело могу заявить, что нынешний состав писательской организации сохраняет лучшие традиции русской литературы, что подтверждается победами в различных всероссийских и международных литературных конкурсах. Книги тюменских авторов выходят в крупнейших издательствах страны, произведения публикуются в солидных литературных журналах и альманахах. К таким в первую очередь нужно отнести Анатолия Омельчука, Сергея Козлова, Виктора Строгальщикова, Вячеслава Софронова, Аркадия Захарова, Ольгу Ожигбесову, Михаила Федосеенкова, Виталия Огородникова.

К сожалению, наша организация испытывает те же возрастные проблемы, что и в целом Союз писателей России. Треть наших писателей находится в возрасте за 75. Но, к великой радости читателей — почитателей их таланта, продолжают плодотворно работать. Ежегодно выходят новые книги у нашего старейшего писателя Станислава Мальцева, которому в будущем году исполнится 90. Нынешние бабушки чита-

ют своим внукам его книги, которые читали сами, будучи детьми.

По две-три книги выходит ежегодно у отметившего восьмидесятилетие Александра Мищенко. В конце нынешнего лета увидел свет новый роман 85-летнего писателя Виктора Коробейникова, полтора десятка статей и рецензий только за один год написал его ровесник Новомир Патрикеев, новой книгой отметил своё 85-летие Александр Шестаков.

К людям старшего возраста у нас почтение особое. Три года назад мы начали акцию по увековечению памяти тюменских писателей, внесших заметный вклад в литературное наследие края. За это время была открыта именная аудитория Фёдора Селиванова в институте культуры, где он преподавал, имена писателей получили несколько библиотек. В том числе — имена живых в возрасте за 80, чтобы успеть при жизни сказать людям добрые слова, и чтобы они при жизни могли порадоваться, что их имена не будут забыты. Первыми в этом списке стали поэт и прозаик, основатель литературно-художественного альманаха «Врата Сибири» Анатолий Васильев. Затем детская библиотека Омутинского района получила имя детского писателя Александра Шестакова, отметившего 85-летие со дня рождения. Оформляются документы на присвоение библиотекам имени яркого публициста Александра Мищенко и детского писателя Станислава Мальцева. И это неполный список.

Большая работа проводится с молодыми авторами. Пять лет подряд при непосредственном участии писатель-

ской организации в Тюмени проводится литературный конкурс для детей до 18 лет «Гришинские проталины» по имени писателя Александра Гришина, который много и активно работал с одарёнными детьми. Проведено три конкурса молодых авторов «Лёгкое перо», ежегодно проводится литературный конкурс «Ода Тюмени». По итогам каждого такого конкурса издаются сборники лучших произведений, поступивших на творческие состязания. Кстати сказать, несколько участников этих конкурсов уже стали членами Союза писателей России.

Причём молодые писатели, продолжая лучшие традиции русской литературы, становятся лауреатами всероссийских и межрегиональных литературных конкурсов. В числе этих «новобранцев» — автор нескольких поэтических сборников Александр Новопашин, прозаик Ирина Андреева, поэты Владислав Корнилов, Леонид Ткачук.

Наши писатели постоянно участвуют в читательских конференциях и встречах с читателями самого разного возраста, ежегодно проводим не менее десяти выездов в города и районы области. У Станислава Ломакина, например, ежегодно насчитывается до ста таких встреч, немногим меньше — у детских писателей Василия Михайлова и Григория Кайгородова.

Читатели знают наших писателей не только по личным встречам. Два-три раза в месяц в самой тиражной газете «Тюменская область сегодня» выходит литературная страница, регулярно печатает произведения тюменских авторов еженедельник «Тюменская правда», причём оба эти издания на протяжении нескольких лет ведут странички для детей, где публикуют произведения юных авторов. Девятый год на областном радио при поддержке депутатов областной Думы выходит в эфир программа «Книгозор», в новом году исполняется двадцать лет литературно-художественному альманаху «Врата Сибири», который издаётся при поддержке правительства области, есть программа книгоиздания.

Ежегодно на издание книг расходуется от 12 до 14 миллионов рублей, правда, художественная литература занимает там довольно скромное место. Но помимо этого во многих муниципальных образованиях регулярно издаются сборники произведений местных авторов. Так что литературная жизнь Тюмени, несмотря на трудности для писателей времена, не затухает.

Леонид ИВАНОВ,
отв. секретарь Тюменского
регионального отделения
Союза писателей России.

Секретарь Союза писателей России Ю. Перминов (Омск), сопредседатель Союза писателей России А. Кердан (Екатеринбург), руководитель Тюменского регионального отделения Союза писателей России Л. Иванов, глава Тюмени Р. Кухарук, член Союза писателей России, президент телерадиокомпания «Регион-Тюмень» А. Омельчук на праздновании Дня города Тюмени

Писательский десант в сельскую глубинку — Леонид Ткачук, Леонид Иванов, Василий Михайлов, Александр Мищенко. Сельские читатели внимают тюменским писателям

Александр НОВОПАШИН

Родился в 1959 году в Тюмени. Коренной сибиряк. Выпускник Тюменского государственного университета и Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации. Кандидат политических наук (журналистика). Член Союза писателей России. Лауреат международной литературной премии «Югра».

В начале своей трудовой биографии работал плотником-бетонщиком на стройках Нижневартовска, был редактором многотиражной газеты «На ударной стройке», первым редактором нижневартовской городской газеты «Варта». Избирался депутатом Нижневартовского городского и Тюменского областного Советов народных депутатов. Работал в администрации Нижневартовска, правительстве Тюменской области, представительстве Президента Российской Федерации.

Автор пяти поэтических книг: «Верховой» (2004), «Новый ковчег» (2014), «Вещь» (2016), «Частный случай» (2017), «Переменная солнечность» (2018), соавтор книг и фотоальбомов «Планета Земля — Тобольск» (2015), «Поэтика бескрайней тундры» (2018), публикаций в журналах «Юность», «Куль личности», альманахе «День Поэзии-2016, 2017», газете «Слово», местных периодических изданиях, поэтических альманахах и сборниках.

СИБИРЬ

А здесь у нас не до забав,
Когда февральские метели,
По крыши снегом закидав,
Дома в сугробы шуб одели.
И стонут стальные столбы,
По грудь увязнув в снежном плене...
Кто край суровый полюбил,
Тому Сибири нет милее.

ОТЦОВСКАЯ ЛАДОНЬ

Отца шершавая ладонь
С потрескавшейся кожей
Мою мальчишескую боль
Одна утешить может.
Стирает слёзы на ветру -
За целый мир в ответе.
Нежнее этих грубых рук
Нет ничего на свете!

Половики

Солнцем согретые пёстрые полосы
Сотканных бабушкой половиков
Сдобрены ласковой песней вполголоса
Над многоточиями узелков.
Воспоминанья в цветах перемешаны -
Синей рубашки на мой выпускной,
Маминой кофточкой всполохи нежные
С чёрной, от папиных брюк, полосой.

БАБА ТОМА

На завалинке у дома
Между кошкой и щенком
Горевала баба Тома,
Пряча слёзы под платком.
Снова осень листья стелет.
Уж недолго – и зима.
Никого на белом свете -
Одинёшенька она.

СКАЗКИ ПРО ТЮМЕНЬ

Вот где платят кучу денег
Просто за глаза.
Хорошо у вас в Тюменях,
Лучше жить нельзя!
Льётся нефть сама фонтаном -
Только не ленись -
Наливай её из крана.
Сказка, а не жизнь!
Да по улицам медведи
Бродят каждый день -
Вот такие там соседи
В городе Тюмень!
Комары размахом крыльев -
Метра полтора -
Там летают эскадрильи
Ночью у костра.
Грязь такая, что когда-то
Среди бела дня
Не сумели без домкрата
Вызволить коня!
Рассказал я вам, ребята,
Всем, кому не лень,
Верить слухам бородастым -
Сказки про Тюмень!

Вера ХУДЯКОВА

Родилась в 1956 г. в пос. Первомайский Тюменской области. По профессии – учитель русского языка и литературы.

Автор 4-х сборников стихов: «Рябины», «От лета до весны», «Нежности проталинка», «Погожие дни». Печаталась в коллективных сборниках, альманахе «Лик», журнале «Врата Сибири», газете «Тюмень литературная». Член Союза писателей России с 2000 года. В настоящее время живет в пос. Коммунар Тюменской области.

***

Серые заборы захохотустья.
У избенок крыши набекрень.
Я с каким-то непонятным чувством
Рвусь к тоске забытых деревень.
Русь моя! Ты плакала и пела
В каждой заколоченной избе,
От работы, от молитв светлела,
Этот свет лишь теплится в тебе.
Вновь старуха жилистой рукою
Ходики поправит на стене.
Что же ей почудилось такое
В этой одичавшей тишине?
Хоть бы ветер распахнул воротца,
Хоть бы дождь в окошки постучал!
Лишь в стекло бездумно муха бьется,
Сиротливо ходики стучат.
В этом звуке столько скрытой грусти.
Незаметно угасает день...
Серые заборы захохотустья
И тоска забытых деревень.

***

Под куполом наших неярких небес
Я все же до боли люблю —
Лугов разнотравье,
Березовый лес и тихую речку свою.
Никто из столиц не позарился, нет,
На эту старинную глушь.
Их разве прельстит
Комариный рассвет?
И дождичек — тоже не душ.
Под куполом наших сибирских небес
Привычной заботой живу.
Чтоб вечно шумел
Мой березовый лес,
Чтоб речка несла синеву.
И мне это в радость: опять на пне,
И первый стожок на лугу,
И мутный ручей,
Что звенит по весне,
И заячий след на снегу...

***

Молилась бабка по утрум,
В простенке крест висел.
Ей этот крест, как божий храм,
Любить и жить велел.

Молилась горестно за нас,
Не верящих в Христа,
Ходила я в четвертый класс,
И в пятый класс — сестра.
Свеченье тихое лилось
От бабкиных волос.
Как нам от тех молитв спалось,
Как радостно жилось!
Но красный галстук на груди,
И значит — Бога нет,
Но покаянье — впереди —
Аж через двадцать лет.
Ее слова в душе звенят,
Когда встает рассвет:
«Есть Бог, попомни меня!»
Есть!.. Только бабки нет...

***

Поэту Николаю Денисову

Я приду неизвестно откуда,
Я уйду неизвестно куда.
Наша встреча похожа на чудо,
Сохранить бы ее навсегда.
Я докучной и скучной не стану,
Я спешу в даль родимой глуши:
Там стадами пахнут туманы,
Шепчут песни ветрам камыши.
Там в ладонях озер стынут звезды,
В травах росы горят серебром.
Ничего, что мы встретились поздно,
Ничего, что мы рано уйдем.
Я в посмертную славу не верю
И при жизни за ней не гонюсь,
Только б люди не стали, как звери,
Только б вечно была наша Русь!..
Ради этого, маясь на свете,
Мы живем, и творим... и сгорим...
Все поэты, как малые дети,
Очарованы ликом зари.

Ольга ОЖГИБЕСОВА

Журналист, писатель, сценарист док. фильмов. Член СП России. Родилась в Екатеринбурге (Свердловске). Окончила философский фак-т Уральского гос. университета им. А.М. Горького. 18 лет преподавала на кафедре философии Тюмен-

ской мед. академии, после чего ушла в журналистику. Творческий багаж – 11 книг (стихи, худ. и док. проза), четыре док. фильма. Многократный лауреат и дипломант журналистских, литературных и телевизионных фестивалей и конкурсов.

ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ

Время, нас не жалея,
свои оставляет отметки.
Каждой шельме:
кому – по инсульту, кому – по инфаркту.
Вот сижу, вспоминаю:
Пила ли я утром таблетки?
Слишком много сегодня
Поставлено мною на карту.
Я умом понимаю,
Что все в этом мире – не вечно.
Жизнь похожа
На чьей-то рукою раскрученный глобус.
И в назначенный час
Подберет и меня на конечной
Остановке последний,
В гараж уходящий автобус.
Будут в окнах мелькать,
Словно слайды, любимые лица.
Как немое кино,
Где ни смеха не слышно, ни речи.
Хорошо, если мне
Напоследок позволят проститься.
Только жаль, что уже
Не сказать, как обычно: до встречи!
Что-то я не о том!
Я ж хотела шутить про таблетки!
Мол, у нас медицина
В другую эпоху шагнула...
Ах, как хочется жить!..
Зеленеют озябшие ветки,
И сквозь щели окна
Так настырно весной потянуло...

НЕИЗВЕСТНЫЙ СОЛДАТ

1.

Ну, вот я и вернулся, мать!
Домой, в родимые пенаты.
Что ж не торопишься обнять
С войны пришедшего солдата?
Что ж не стоишь ты на крыльце,
Сынка родного не встречаешь
И на морщинистом лице
Слезу платком не утираешь?
Прости, – я слишком долго шел.
Нам ставила война отметки.
Теперь все будет хорошо.
Женюсь. Даст Бог – родятся детки.
Через такой прошли мы ад!
Смерть, скалясь, нам дышала в спины.
И вот – вернулся я назад,
Лелеять, мать, твои седины.
Но мне ответом – тишина.
Лишь ветер над рекою воет.
Как будто здесь прошла война
И выкосила все живое.
Давно моей деревни нет –
Всего, что было так знакомо.
Я семь десятков с лишним лет,
Как был убит вдали от дома.
В июле среди бела дня
Сгорел под Прохоровкой в танке.
Все, что осталось от меня, –
Лишь безмянные останки...

2.

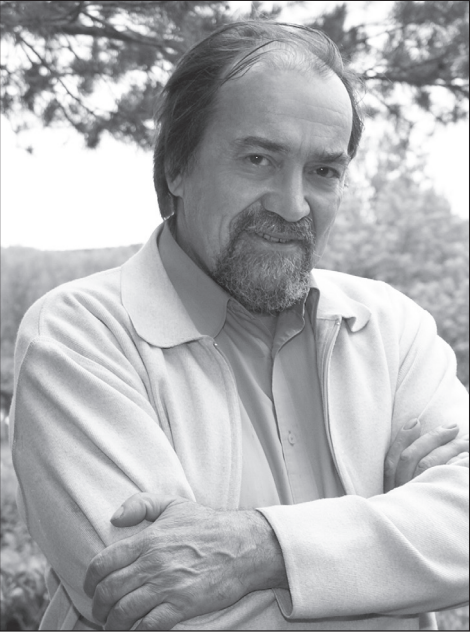
Что мертвые? – они не ждут
Наград, им почести неважны.
Я просто верил, что найду,
Что я домой вернусь однажды,
Что путь мой пройден до конца:
До отпеванья от крещения.
И мама встретит у крыльца.
– Сыночек, – скажет, – с возвращением...
Кто меня хоронил,
Расскажите мне, как я погиб?
Это пуля была
Иль шальной раскаленный осколок?
Что я слышал последним –
Мотора уставшего хрип
Или шелест опавших от взрыва
Еловых иголок?
Что я видел последним –
Закат уходящего дня?
Или это в полях догорили
Подбитые «тигры»?
Словно те, кто остался, –
из них, хоронивших меня, –
Все играли, играли
В мужские жестокие игры.
И не вышла под вечер
На улку сердитая мать
Шугануть пацанов –
белокрысых, чернявых и рыжих.

А они – враспынную!
Куда там! Попробуй догнать
Быстроногих, смешливых,
По-детски наивно-бесстыжих...

Как поют соловьи
Над притихшей вечерней землей,
Где лежу столько лет –
Одинокий, забытый, безгласный...
Кто меня хоронил, расскажите,
Чем кончился бой?
Как бы я не хотел
Оказаться убитым напрасно.

Диссиденты никуда не делись. Они живы. Просто на всех рук не хватает. И газа...
(Неизвестный автор. Отрывок из неопубликованного полуфантастического романа «Из жизни насекомых»)

Газонная трава, на которую они присели из-за полного отсутствия вокруг любых приспособлений для временного плацкарта многочисленных прогуливающих толпами и в одиночку зевак, созерцающих местные красоты, слегка пружинила, словно противилась их полному пренебрежению к нормативам поведения в общественном месте. Все, кто проходил мимо, делали вид, что им нет никакого дела до этой разновозрастной парочки, позволившей себе нарушение всяческих норм приличного поведения, но едва ли не у каждого возникал вопрос и буйные фантазии насчет их взаимоотношений.

Она же делала вид, что ей наплевать на косые взгляды, так и прожигающие их спины, а он с интересом ожидал, когда она найдет весомый предлог, чтоб побыстрее закончить их беседу. Собственно, беседой их разговор назвать было тоже нельзя, скорее, обмен репликами в поиске общих тем для

Вячеслав СОФРОНОВ

ГУСЕНИЦА НА ЕЕ КОЛЕНЕ...

дальнейшего контакта или же его скорого завершения без всяческих перспектив на будущее.

Она была интересна ему уже только одной неординарностью своего поведения и богатым личным опытом, несмотря на относительно молодую возрастную ступеньку своей только начинавшей вырисовываться биографии; в то время как она наверняка отнесла эту встречу к нескончаемой череде знакомств, связанных с ее работой в городских властных структурах. И он и она знали, что все происходящее в замкнутом мире управленческого аппарата рано или поздно становится известно тем, кто контролирует каждый шаг, а порой и умонастроение своих подчиненных. Иначе и быть не могло. Так уж повелось в этой стране со времен давно забытого, но никуда не исчезнувшего княжеского, а потом имперского и, наконец, партийного правления, когда каждый шаг ближних к правящей элите граждан фиксировался, протоколировался и всплывал в нужный момент при очередной чистке кадров.

За тысячелетнюю историю этой страны в ней мало что изменилось. Да и зачем менять старую хорошо отлаженную систему, если она давала нужные результаты и позволяла сохранять относительное единство разноплановых масс, благодаря своевременному вмешательству и пресечению инкомыслия.

Он, узнавший все прелести этой системы чуть ли не со школьного возраста, со временем понял, что особо бояться ее нечего, но и допускать очевидные промахи тоже не стоит. Потому давно пришел к парадоксальному выводу, что чем более открыто ведешь себя, тем меньше подозрений зарабатываешь в свой адрес. Оттого ничуть не удивился тому, что на груди его собеседницы помещался безобидный аппарат для считывания пульса сердца, хорошо понимая, какие дополнительные устройства может поместить туда рука опытного радиотехника, получающего дополнительную заработную плату в одном из подразделений спецслужб. Но его и это ничуть не смущало, поскольку в свое время он прослушал неплохой курс по этой теме, а потом и сам конструировал разные там устройства еще задолго до начала эры цифровой связи. В принципе и там тоже

ничего не изменилось, разве что уменьшились в размерах передатчики и разные там камеры слежения, которые при желании можно было легко распознать и нейтрализовать.

Вдруг она увидела на своем колене, которому, будь у него желание, он мог бы посвятить отдельную оду, а то и поэму, скромно застывшую гусеницу и непроизвольно вскрикнула. Он осторожно поддел мохнатое существо пальцем и опустил на ближайший стебелек едва только начавшего обростать газона. Мимо тут же промчалась вездесущая ворона, зафиксировавшая свою жертву, за которой она обязательно вернется, как только люди уйдут с облюбованного ими места.

Вскоре они простились, поскольку ей поступил неожиданный звонок о начале какого-то незапланированного совещания, пообещав созвониться, как только в том появится необходимость.

Вернувшись домой, он выкрутил из зажигалки так называемую «глушилку», которой изредка, но все же пользовался не столько из боязни, что произнесенные им слова и фразы станут кому-то известны, сколько из-за нежелания подставлять своих знакомых, имеющих неосторожность встречаться с ним.

Она же сдала медсестре порекомендованный ей датчик пульса, а та, уйдя за ширму, профессионально извлекла из него чип и положила в специальный конверт, на котором значилась ее фамилия.

Ворона и впрямь вернулась к тому месту, где они еще недавно мирно беседовали, отыскала безобидную гусеницу и осторожно перенесла ту в свое гнездо на окраине старого поселка, к которому вела складная лесенка с крыши заброшенного сарая. Вскоре рядом остановилась машина без номеров и с занавесками на окнах, из нее проворно выскочил молодой парень, вскарабкался по лестнице и пинцетом переложил гусеницу в пластиковый тубус, с наклеенным на него номером.

... Он долго ждал от нее обещанного звонка, а потом решил позвонить ей на службу, поскольку ее сотовый постоянно находился «вне зоны». Там ему сообщили, что та, кем он интересуется, никогда в их отделе не работала, но, вот совпадение, жен-

щина с такой же фамилией и инициалами служит в далеком северном поселке всего в полторыстах от города. Так что, если она ему очень нужна, то он может поинтересоваться там. После этого он долго сидел в раздумье, понимая, что безвозвратно отстал от бурно развивающегося технического прогресса и пожалел, что в тот раз не раздавил ту самую гусеницу. Хотя, если разобраться, на ее месте наверняка тут же возникла бы другая тварь типа божьей коровки, а то и кузнечика, за которым ему явно не угнаться. Он с ненавистью посмотрел на призывно светящийся экран монитора, хорошо понимая, что как только он включит электронную почту, специальная программа тут же скопирует его файл для прочтения в соответствующей службе.

«Нет уж, не доставлю я вам такой радости», – сказал он, ни к кому не обращаясь, поскольку имен у них было много, а будучи человеком воспитанным, он привык все и всех называть своими именами. Поэтому он оторвал от чистого листа небольшой клочок, что-то написал на нем, скрутил в трубочку и полез на чердак, где уже много лет держал небольшую голубятню. Когда голубь взмыл вверх, то с соседней колокольни наперерез ему метнулась тень ястреба. Он в бессилии ударил кулаком по чердачному окну, стекло треснуло, но не разбилось. Потом спустился вниз, вышел во двор и присел на лавочку под склонившей едва не до земли свои ветви березкой. Возле ее ствола муравьи еще прошлым летом обосновали колонию, где быстрехонько возвели небольшой муравейник. И сейчас несколько трудолюбивых насекомых тащили внутрь своего жилища упиравшуюся и еще полуживую гусеницу. Он долго смотрел на них, о чем-то соображая. А потом вздохнул и произнес: «Знал бы раньше, что так дело пойдет, нужно было на биофак поступать...»

Софронов Вячеслав Юрьевич, родился в 1949 г., где благополучно проживает по сию пору. Доктор ист. наук, профессор Тобольского педагогического института им. Д. И. Менделеева. Автор нескольких исторических романов и книг, связанных с историей Сибири.

Екатерина Володина
Поэт, член Союза российских писателей. Окончила Северо-Западную академию государственной службы при Президенте РФ (РАНХ) г. Санкт-Петербург. Печаталась в региональных и столичных изданиях: «Врата Сибири», «Слово народов Севера», «Приокские Зори», «День и Ночь» и др. Региональный редактор Первого Всероссийского литературного журнала «Лифт» по Тюменской области. Автор 8 книг.

***

Мороз. Алмазный блеск оконного узора
Играет радугу красок на стекле.
Печаль ресниц... Слеза... Глаза – озера...
И не поет душа о новом дне.
Сегодня солнце ярко, но не греет.
Весна царевной спящей в хрустале.
С горчинкою воспоминанья веют
От хризантем, что на моем окне.

***

На чужой стороне пусть богаче живут.
Шире улицы там, разношерстнее люд.
Даже счастье горстями пускай раздают, –
Мне о крае родном мысли спать не дают.
У нас песен не шесть, да и лучше поют.
И леса зеленей, выше травы растут.
Наши нивы щедрей урожаи дают.
На родной стороне даже камни цветут.

Дмитрий СЕРГЕЕВ

ДОРОГАЯ МОЯ КАПУСТА

Мороз перевалил за тридцать. Окна промёрзли, и сквозь них теперь можно было рассмотреть лишь расплывчатые огни вечернего города. Выходить на улицу Егору не хотелось, да, впрочем, и незачем было. Он удобно устроился в кресле, откупорил бутылочку пива и включил телевизор. И вдруг – звонок. Кому это в такую погоду дома не сидится? За дверью стояла надёжно укутанная в зимнюю одежду соседка:

– Здесь, у магазина, с грузовика свежую капусту продают, – возбуждённо сообщила она. – Я в очереди стою. Впереди осталось несколько человек, а там надо в кузов лезть, чтобы капусты набрать. Может, сможешь, а заодно и себе наберёшь? Бери мешок!

Егор оглянулся на уютное кресло, на оставленную возле него откупоренную бутылку, и зябко пощёл плечами, ощущая холод, идущий из подъезда и, кажется, от насквозь промёрзшей соседки. Однако не помочь одинокой женщине – грех, да и капуста зимой в северном советском городе – дефицит. Впрочем, что в северном советском городе девяностого года – не дефицит? То-то жена обрадуется! Она уже сокрушалась, что не довелось капусточки засолить для предстоящих праздничных застолий.

Егор оделся потеплее, взял мешок и вслед за соседкой отправился к магазину. Там, у крытого брезентом грузовика стояла плотная очередь – казалось, люди специально выстроились не в длину, как обычно, а скопищем, будто пингвины на льдине, чтоб теплее было. Они переминались с ноги на ногу, ёжились и потирали ладонями лица. Достоявшие счастливицы, забираясь в кузов, скрывались во мраке подбрезентового пространства, чтобы через некоторое время спуститься вниз с набитым мешком или раздувшейся во все стороны сеткой и победно поставить товар на большие весы, установленные у колёса автомашины.

Егору, хотя и не довелось стоять в очереди сначала, было очень холодно. Видимо, от моральной готовности к вечернему подвигу – планы-то были прямо противоположного характера, вот и не успел организм перестроиться. А соседка, глядя-ка, сколько выстояла, а ничего, держится бодренько, хотя и разругивалась воякой, и шарф, прикрывающий подбородок, заиндевел совсем. Ну, слава богу, вот и очередь подошла – значит, поживём ещё! Егор забросил в кузов два мешка – свой и соседкин – слегка

размялся, как легкоатлет перед брусьями, и, вспомнив молодость, ловко перемахнул через борт. Это оказалось несложно: раз-два – и ты под брезентом! Лежишь на чём-то неровном и твёрдом. А-а, так это же капусты здесь местами под самый потолок. И вся смёрзлась в единую массу, затвердела, тонким ледком покрылась. «Ничего, отогреется, родимая», – подбодрил себя Егор. Только как же её брать-то?.. Кто это здесь? А-а, это тоже покупатели. Судя по возне и пыхтению, их здесь ещё человека три-четыре. Нет, в рост не подняться. Только на четвереньки. Ч-чёрт, сколько-то как!

Вот, наконец, глаза немного привыкли к полумраку, и в слабом свете, проникающем с плохо освещённой улицы, начали проявляться силуэты остальных покупателей – стало быть, их здесь четверо ползает. И, видимо, прошедшей через кузов очередь уже выработан способ добывания капустных головешек, передающийся по наследству от уходящих к приходящим. Надо выбрать наиболее выпирающую капустную голову, нащупать её ногой, хорошенько прицелиться и изо всех сил лягнуть пяткой, иначе ничего не выйдет – на таком морозе всё смерзается намертво. Если с первого раза не вышло, надо повторить разок-другой. Потом появляется сноровка, и всё идёт, как по инструкции. Отбил головешку – и в мешок, а то другой подберёт. Сразу азарт такой появляется, что даже мороз отступает. Главное – под чужую пятку не угодить. А то будешь ходить с фонарём, как дебошир какой-нибудь. Работа кипит вовсю. А снизу уже поторапливают:

– Эй, наверху! Побыстрее нельзя, что ли?! Пригрелись там!

И продавцы нервничают:

– Товарищи, хватит выбирать, вы же здесь не одни!

Словом, купить капусту зимой – это совсем не то, как если бы пришёл кто-то в магазин на всё готовое, деньги заплатил, взял товар – и пошёл бы себе, как ни в чём не бывало. Фигушки! Тут надо руки-ноги приложить и смекалку проявить! Вот уже и второй мешок почти полон. Эй, гражданин, это тоже моя капуста!

И вот уже счастливая соседка принимает снизу мешки. И добродушный продавец ставит их на весы. Егор, довольный, выбирается наружу, и все ему рады, потому что очередь продвинулась, и ещё один счастливчик, прощально махнув ногами, нырнул под брезент. Удачи тебе, товарищ!

Егор был в отличном настроении. Он бодро тащил по лестнице два драгоценных мешка и предвкушал, как обрадуется жена, и как он с чувством выполненного долга будет сидеть в кресле и, наслаждаясь, пить так и не начатое пиво. И в голове его, на известный мотив, сами собой напевались слова: «Дорогая моя капуста!.. Дорогая моя капуста!..» А дальше как-то не складывалось.

Потом пришла жена, и всё было у Егора, как в его лучших мечтах. Они сидели рядом и с чувством глубокого удовлетворения смотрели на лежавшие на столе остекленные зеленоватые головешки.

– Надо же, как повезло, – радовалась жена. – Нашинкуем, засолим, хватит и на Новый год, и на двадцать третье, и на восьмое...

Да, случаются в жизни удачные дни!

2006 г.

СЕРГЕЕВ ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ родился в 1956 году в Донбассе. Окончил исторический факультет Донецкого государственного университета. Служил в группе Советских войск в Германии, был токарем, школьным учителем, работал в системе МВД, с 1988 года – в журналистике. Имеет около 200 литературно-художественных публикаций. Издал три книги фантастических произведений – «Ложная дверь», «Изнанка мира», «Дело о чёрном чемодане», а также поэтические сборники: «Куда улетают халей», «За час до рассвета», «Возвращение», «Поэзия космоса», «Хвойный край с просветами берёз», «Рифмы ускользающих мгновений». В периодических изданиях опубликовал около двадцати произведений реалистической прозы. С 1984 года проживал в Сургуте. Работал в средствах массовой информации. С 1994 года – член Союза журналистов России, с 2002-го – член Союза писателей России. В 2015 году переехал на постоянное место жительства в Тюмень.

Екатерина ПИОНТ

Памяти тюменских писателей – Сергея Шумского и Зота Тоболкина

– Девчонки, поэты приехали!
– Куда? К нам? А откуда?!
– Как откуда, из Москвы, наверно. Где они ещё могут быть...
– А с чего к нам-то? Разыгрывают, что ли?
– Мало того, что в нашу глушь, так ещё и в узел связи, чё вдруг им приспичило?!
– А чем наш узел связи не культурный центр?..

Тут вошла бригадирша и объявила: «Быстро всем в бухгалтерию!»
– Странные какие-то, а кто останется на телеграфе? «Ханты» работу валят без передыху.

Дежурная Ханты-Мансийского телеграфа приостановила очередь из автомата на несколько минут, словно прислушиваясь к разговору на нашей стороне.

Оставать работать никому не хотелось. Спина, шея уставали от многочасового сидения за аппаратным столом.

Пик обмена телеграмм пришёлся на семидесятые – восьмидесятые годы. Резкая миграция людей на Север делала своё дело. В новогодние праздники, 23 февраля, 8 Марта сугробы лент не таяли неделями.

И отсюда между собой скандалы, слёзы.

И вдруг такая передышка! Поэты, на то они и поэты, чтобы услышать даже всхлип рабочего класса.

– Пусть Зина останется, зачем ей эта поэзия, ей о детях, муже думать надо.

– А тебе зачем?

– Да хоть посмотреть на живых писателей, себя показать! – с вызовом отвечала Ритка, она считала себя неотразимой, – у меня новые итальянские, по благу купленные, туфли, кто-то должен их увидеть!

Зина согласилась продолжить работу.

Телеграфисты, в основном молодые женщины, девчонки после школы, торопились, счищая, отмывая клей с пальцев, причёсывались гурьбой у небольшого зеркала, и, причипурившись, направлялись в бухгалтерию.

Там на своих местах восседали: главный экономист, главбух, нормировщик, кассир.

В центре за небольшим столом расположились гости – двое уже немолодых мужчин. Один могучий, с кучерявой, тёмной с проседью шевелюрой, кавказской внешности, другой – компактнее, седоволосый, с пронизывающим серо-голубым взглядом. Мы чинно усаживались в два ряда, кто-то из девчонок поправлял причёску, кто-то принимал позу по-эффектнее... Уже одно слово «поэт» заворачивало, хотелось соответствовать.

Наконец, главный экономист, женщина крупная во всех отношениях, поднялась со стула и объявила: «У нас в гостях сегодня – редкие люди! писатели из Тюмени». А ведь действительно редкие. Ещё и потому, что видеть их мало кому из нас доводилось. Приезжал как-то уроженец нашего края знаменитый поэт, философ Юван Шесталов, о том многие в посёлке помнили, но уже сменилось поколение.

Имя первого гостя, Евгения Ананьева-Шермана мне, к сожалению, не было знакомо, хотя позже о нём много слыша-

РЕДКИЕ ЛЮДИ

(Отрывок)

ла, читала: он участник войны, автор книг очерков «Остров нефтяных робинзонов», «Под стальным парусом», «Цвет тундры голубой» и др. Евгений Григорьевич был страстным книголюбом, у него была богатая библиотека, в 1983 году он возглавил Тюменское отделение Союза писателей.

А вот произнесённое «Зот Тоболкин» – у меня вызвало радостное удивление. Произведения Зота Корниловича я читала в журналах «Наш современник», «Уральский следопыт», «Юность», даже в «Крестьянке»... А какие названия у его произведений: «Припади к земле», «Сказание об Анне», «У Бога за пазухой», «Отласы»... Много слышала о его пьесах, поставленных в разных городах... Моё знакомство с писателем произошло в начале семидесятых, с рассказа в «Юности» о юношеской любви. На рисунке – вся воздушная, светлая, девочка идёт солнечным днём по дощатому тротуару, у неё из авоськи выпало два яблока, подросток, поднимая, протягивает ей... Название забыла, а рассказ почему-то остался в памяти моей, как «просто собака» без имени, приبلудная, верная.

И вот передо мною – сам автор!

Собравшиеся сидели, не шелохнувшись, с серьёзными лицами, не зная, как вести себя. Костяшки на счётках и те замолкли.

Зот Корнилович читал стихотворение о любви. О такой любви, что мы потеряли реальность. Каждая из нас ставила себя на место любимой, которую поэт обожествлял. Этот седой человек дал почувствовать нам, что жизнь удивительна в любом возрасте, что тот единственный так же, как и ты, ищет свою любовь, свою половинку, и обязательно найдёт, ведь ты же теперь пойдёшь навстречу. О, сколько он пробудил в нас чувств, этот чудотворец. Глаза девчонок затуманились... вот тебе и поэзия – обыкновенное слово в стихотворении

тило всю встречу каким-то невиданным до этого светом. Даже солнце, вдруг выглянувшее неожиданно зимой у нас на Севере, не оставило бы такого следа.

Вот так, опустилась однажды, для передышки, на наше заросшее илом озеро пара невиданных птиц, поплавали они, испили нашей водицы, очаровали нас своим голосом, ещё поблещивающим оперением – и улетели.

Прошло лет пятнадцать, я жила в другом месте, неподалёку от старого, в новом северном городке. В городе было литобъединение. Вскоре нас несколько человек пригласили на семинар в Тюмень.

Этот старый двухэтажный деревянный особняк на Осипенко, 19... ворота, кольцо, за которое нужно было дёрнуть, тогда в окно выглядывал кто-нибудь из поэтов или прозаиков...

Затаив дыхание, я открыла впервые калитку в мир тюменских писателей!

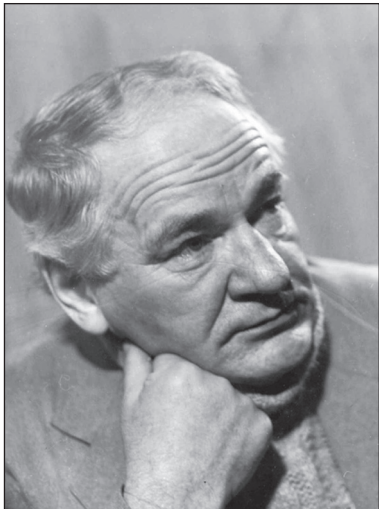
Прошла несколько метров до крыльца, широкого двухступенчатого, дощатого, помнящего столько шагов, впитавшего в себя столько следов этих странных людей. Я на цыпочках вошла в здание и оказалась перед деревянной лестницей, она вела вверх. Оттуда доносились голоса, смех.

Сердце колотилось, я ступала на скрипучие ступени и во всём видела знак.

И тут поняла, что таким и только таким должен быть дом писателей. Он предвосхитил все мои ожидания.

В ту пору возглавлял объединение Сергей Борисович Шумский, прозаик, человек доброжелательный, с сибирским говором, уроженец Красноярского края, он сразу располагал к себе. Было что-то отеческое в его характере.

Сергею Борисовичу принадлежат воспоминания о встречах и переписке с В. Розовым, в семинаре которого он учился, с В. Астафьевым. Пером С. Шум-

Зот Тоболкин

Сергей Шумский

может иметь такую поразительную силу! совсем иную, чем в передаваемых телеграммах для телеграфистки, но для той женщины, для которой предназначается, оно вновь приобретёт особую, невиданную энергию. Такова сила и тайна слова.

В предбанник бухгалтерии набилось много опоздавших: телефонистки, почтальоны, толпились монтеры с «котлями», перекинутыми через плечо, – быть может, ради такого случая они и спустились со своих столбов, захотелось большей высоты...

Всем интересно было не только послушать, но и взглянуть на необычных людей, редких, как выразилась главный экономист.

Народ ещё подтягивался. Из коридорчика доносился шёпот – «поэты, поэты...»

А Зот Тоболкин читал стихотворение и молодел у всех на глазах, останавливая на какое-то время взгляд на каждой из нас, дарил своё, пришедшее свыше, слово.

Даже главный бухгалтер, поморгав, провела пальцем по глазам, девчонки переглянулись: как? И она?!

Стихов, прозаических миниатюр, воспоминаний прозвучало за эти полтора часа немало от наших гостей, но первое стихотворение пронзило нас, оно осве-

ского написаны немало книг, все они о жизни простого человека: «Качели», «Посреди белой ночи», «Соболихинский баянист», «Мои шесть братьев», «Пастуший стан», «Я есть (письма из мусорной корзины)» и др. Пьесы «Свои дороги», «Судили знахарку»... публицистические выступления, рассказы и очерки.

Народу писательского собралось много: приехала целая команда из Тобольска; Ямал, Югра... – все три комнаты были заполнены пишущими, страсти разгорались с каждым новым семинаристом. В кулуарах сигаретный дым не спешил рассеиваться, до того были жаркими споры, ведущие семинара продолжали всё так же доказывать, защищать, отвергать...

Седоволосых было здесь немало, мне хотелось найти среди них Зота Тоболкина. Та поэтическая встреча, незабываемая атмосфера его стихотворения жили во мне долгие годы. Созданный мною образ этого поэта, прозаика со временем только становился ярче.

На следующий день Зот Корнилович сам подошёл ко мне. Он оказался невысокого роста, сухощавый...

– Ведь это ты из Берёзова?!

– Да. А Вы Зот Тоболкин! Вы к нам приезжали, помните?

– Конечно, как забыть, мы тогда выступили почти во всех ваших организациях, в семи или восьми, люди были так благодарны, а как они умеют слушать! А что ты пишешь?

– Стихи...

– Я тоже начинал со стихов. Два сборника выпустил.

– Помню Ваше чтение, оно потрясло тогда нас...

– Сейчас в основном пишу прозу, встаю в 5 утра, выпиваю чашечку кофе и работаю, начал новый роман, названия пока не скажу, но всё о наших людях... Надо писать о тех, кого знаешь хорошо изнутри, о других напишут другие. Седьмой пункт Чукковского я выполняю чётко, он дал себе обещание ещё в молодости, чтобы стать писателем: 1. Не пить. 2. Не курить. 3. Не ходить в гости. 4. Не принимать гостей. 5. Не устраивать праздников. 6. Ложиться в 9 вечера. 7. Вставать в 5 утра.

– Значит, выходит, седьмой пункт для Вас самый действенный?

– О, ещё как! Пока справляюсь только с ним, – лукаво взглянув, засмеялся он.

Затем Зот Корнилович долго искал свою чёрную матерчатую сумку, наконец, нашёл:

– Молодые всё подшучивают надо мной, я сам был таким...

Уходя, уже у двери выкрикнул мне, как только умел делать это он, с вызовом:

– Я тебе книгу подарю!

Столько в его голосе было силы, уверенности, не напрасно ему дали имя – Зот, что в переводе с греческого – «жизненный, животворный».

Прошло лет двенадцать, я давно живу в Тюмени, с Зотом Корниловичем часто встречаемся.

Когда бросили клич провести субботник, Зот Тоболкин, ходивший уже с палочкой, пришёл один из первых: в клетчатой рубашке с коротким рукавом он выглядел моложаво, задорно; вытряхивая пыль из книг, он то и дело иронизировал по поводу очищения мыслей. Что там говорить, он внёс в нашу рутинную работу особую зотовскую искру, ощущение праздника...

Он редко пропускает литературные вечера, на которых обязательно наступает момент, когда все затихают, слегка ослабев от бурного общения, и тогда одинокий тихий голос, словно откуда-то издалека, начинает медленно приближаться, осторожно выводя: «Гори, гори, моя звезда...»

Все замирают, направив взоры в его сторону, и каждый, чуть поддавшись вперёд, подпевает, но лишь сердцем – одним сердцем, боясь нарушить переживаемое этим, многое испытывавшим в жизни человеком в момент его высокого откровения.

2013 год. Тюмень.

Зот Тоболкин ушёл из жизни в 2014 году, в день смерти Сергея Шумского – 24 мая, пережив его на шесть лет. В жизни они были оппонентами... но любил один и тот же романс «Гори, гори, моя звезда»...

Теперь стоит только заслушать мне первые звуки этого чудного произведения, вспоминаю дом на Осипенко, 19, всех ушедших и здравствующих тюменских писателей... и волнующее пение Зота Корниловича: «Ты у меня одна заветная, другой не будет никогда...»

Этот неповторимый голос, оживая, вновь возвращает меня в восьмидесятый год, в маленькую контору узла связи северного посёлка, где открылась для меня магия одного стихотворения, позвавшего за собой...

22 мая 2018 г.

Екатерина Лаврентьевна Пионт родилась и окончила школу в рабочем посёлке Берёзово Тюменской области. Училась в Омском политехническом институте. Первая книга стихов «У родного порога» вышла в 2000 году. Затем – «Раздумье», стихи для детей «Мне рано в школу», сборник стихов, посвящённый малой родине, «Из Берёзова я», в 2011 году издана книга стихов «Тогда ещё писали письма», в 2013 году книга рассказов «Много неба». Член Союза писателей России с 2003 года. Студентка 5 курса Литературного института.

Наталья БОРОДКИНА

Родилась 14 апреля 1958 г. на Кубани, в казачьей станице. С 19 лет живёт в Сибири. Два высших образования. Публиковалась в литературно-художественном журнале «Смена» (г. Москва), сборниках современной поэзии «Краски жизни» (г. Москва), «Живое слово» (г. Тюмень), литературно-художественном альманахе «Врата Сибири» (г. Тюмень) и др. изданиях. Автор трёх поэтических сборников. В 2012 г. – дипломант, в 2013 г. – лауреат областного открытого Фестиваля народного творчества имени С.И. Мамонтова в номинации «Поэзия». Руководитель литературного объединения «Ялutorовская лира» города Ялutorовска Тюменской области (города декабристов).

ОТЧИЙ ДОМ

Свет из окон родных
так манящ и таинствен,
Половинками ставней его не прикрыть.
Пусть беснуется ветер –
суров и неистов,
Будет путник всегда
к этим окнам спешить.

Пусть хоть камни падут
с почерневшего неба,
Пусть хоть стаи волков завывают в ночи,
Будет звать его запах домашнего хлеба,
Испечённого матерью в русской печи.

Грудью ветры прорвав,
по тропинке знакомой
Будет путник сквозь бурю
идти напролом.

А хранить его будут: зов отчего дома,
Вера светлая и... девятый псалом.

КОЛЕСО САНСАРЫ

И сомнений бывших,
и былых заблуждений
Опадёт пелена в предназначенный срок.
Бесконечная смена
смертей и рождений
Всё сметая, бурлит,
точно горный поток.

Как шлифует вода терпеливо камень,
Полируя до блеска на дне голыши,
Так и каждая жизнь умножает уменья,
Оттирая все тёмные пятна души.

И пока колесо своё крутит Сансара,
Одинаково ценны мгновенье и век.
Ты повесой не будь на пиру Валтасара,
Будь хозяином жизни своей, человек!

Леонид ИВАНОВ

СХИМНИК-ПЕТЬКА

Рассказ

После исчезновения Петьки наша деревня осиротела. Бывает иногда так: живёшь себе, не замечая чего-то привычного, а потом оно неожиданно пропадает, и ты остро начинаешь ощущать, как этого тебе не хватает.

Так было и с Петькой.

Теперь, по прошествии многих лет, став не просто взрослым, а совсем седым, я вдруг вспомнил его, и мне стало несказанно стыдно и непоправимо больно за себя и своих босоногих сверстников, за все наши издевательства и оскорбления, что каждодневно причиняли Петьке.

Было ему, наверное, около двадцати. Но это от роду, а умишком Бог его сильно обидел, потому взрослые относились к нему, как к ребёнку, а мы уже учились в начальных классах стоявшей на некотором отдалении от деревни школы, за своего не принимали. Даже дошкольная мелюзга дразнила его Петька-дурак. А он всем улыбался и никогда ни на какие дразнилки не обижался.

Он не обиделся, даже когда мы сунули вместо хлебного каравая засохшую коровью лепёшку в его сшитую из старой мешковины сумку наподобие виденной в картинке какого-то известного художника из букваря. Он неизменно улыбался во весь рот, показывая ряды выщербленных зубов, кланялся нам в пояс и благодарил за угощение, а мы хохотали над ним до колик в животе.

Эту коровью лепёшку он нёс домой, прижимая сумку к груди, будто там был настоящий духмяный каравай свежеспечённого хлеба. Не знаю, кому первому пришла в пустую голову эта идиотская забава, но в нашей ватаге она вызвала настоящий восторг. Только в тот же вечер Петькина мать со слезами рассказала кому-то из соседей, и пришла пора расплаты.

Меня тогда впервые в жизни отец нещадно порол своим солдатским ремнём. Было не столько больно, сколько обидно, что дразнили Петьку все, а досталось мне одному. Едва я натянул на свой тощий зад штаны и застегнул пуговку лямки, на которой они держались, мать протянула мне кринку молока:

– На, отнеси Петькиной матери. Да извинись!

– Не пойду, – заупрямился было я, но отец снова потянулся за подвешенным у окна ремнём, на котором ловко правил бритву:

– Добавки хочешь?

Я молча взял кринку и поплёлся к Вале-кулачке. Жили они с Петькой не в деревянном доме, как все люди, а почему-то в бане, что стояла сразу за сельсоветом. Перед дверью в нерешительности остановился: распивавшая гордость не позволяла вот так просто зайти, отдать молоко, будто откупное за нанесённую обиду, извиниться почему-то за всех, поскольку обижали Петьку все.

Потом потянул за кованую скобу щелястой двери предбанника, снова в нерешительности потоптался и, глубоко вздохнув, шагнул внутрь.

В бане на месте каменки стояло небольшое подобие привычной для всех наших домов русской печи с плитой и коротенькой лежанкой. На полке из старых ватных одеял была устроена постель, рядом на широкой лавке – вторая. В углу у входа на сколоченном из досок столике стояли две щербатые кружки, миска да две полуизгрызенные от времени деревянные ложки.

– Вот мама отправила, – промямлил я и протянул Вале-кулачке кринку, накрытую белой тряпичей.

– Ой, а у меня и перелить не во что, – виновато сказала Валя-кулачка и растерянно стала озираться по сторонам. – Можно я кринку мамке завтра утром на ферме отдам?

Я пожал плечами:

– Мне-то что... И это... ишо... Ты, Петька, извини... Я больше не буду.

Петька сидел у крохотного оконца и привычно улыбался во весь рот.

Я толкнул дверь, пулей вылетел на улицу, больно стукнувшись головой о низкую притолоку.

– Отдал? – строго спросила мать.

Леонид Иванов.

– Ну, а куда же бы дел? – сердито буркнул я в ответ.

– Да кто тебя, шалопая, знает? Может, и вылил. Кринка-то где?

– Завтра на ферме отдаст.

– Я бы ему вылил! – пригрозил отец. – Иди ноги мой да спать. Утром на сенокос рано вставать. Будешь валки за мной разбивать.

Обычно после нелёгкой деревенской работы, которой каждому доставалось сполна в соответствии с его возрастом, набегавшись вечером с пацанами в звери-охотники, я тут же проваливался в глубокий сон. На этот раз от перенесённого унижения, что отдуваться пришлось одному за всех, долго ворочался с боку на бок, но никак не мог заснуть, строя коварные планы, как половчее насолить Петьке, да чтобы потом не попало дома.

Мой настоящий отец вернулся с фронта весь израненный, но, прежде чем умереть, сумел сварганить меня. Как я ещё в раннем детстве случайно слышал от соседки, дело это нехитрое и большого здоровья не требует. Потом мама вышла за моего нынешнего отца.

Он приехал на похороны своего друга, с которым вместе воевали, да так и остался в нашей деревне, поскольку деваться было больше некуда – семья его погибла во время оккупации. Года через два мамка расписалась с ним в сельсовете, и он, до этого снимавший угол у бабки Дарьи, перешёл жить к нам. Был он строгим, но никогда меня не наказывал не только ремнём, не даже не давал затрещины, хотя, понимаю, заслуживал я этого часто.

– А почему они в бане-то живут? – услышал я шепот.

– Ну, дак это старая история, все деревенские знают, только ты, пришлый, в неведении. Когда Вальке ещё года четыре было, их раскулачили и отправили куда-то на Север. В их доме сельсовет устроили, а баня сельсоветским зачем? Дома свои есть. Вот и стояла без дела, пока Валька-кулачка домой не вернулась. Добиралась долго, даже вроде бы в монастыре каком-то послушницей была. Да вернулась-то с приданым. Шура рассказывала, от какого-то начальника там на поселениях понесла.

– Ну, Шурку слушать... Балаболка ещё та.

– Да я не про Шурку-балаболку, про Шуру Большую. Она Вальку-то приютила, когда та домой вернулась. А куда домой, когда в доме-то сельсовет? Кто ж ей сельсовет-то отдаст. Вот в бане печку сложили да туда на житьё кулачку и определили. Шура сказывала, начальник-то тот больно боялся, что под трибунал пойдёт за изнасилование малолетки, и когда Валька-то понесла, бил смертным боем, чтобы выкидыш случился. А вот, вишь ты, родила. Только за что-то Бог наказал, верно, у мальчика от битья того с головой неладно стало. Да и сама Валька от тех издевательствах разумом немного помутилась. Потому начальник тот и выхлопотал ей переселение обратно, с глаз долой подальше. Вот как баню-то переделали, Вальку

на ферму скотником определили. Дояркой бы надо было, да кто же кулачку в войну к общественным коровам подпустит – ещё навредит чем. Так с тех пор навоз и прибирает. Ну, деревенские, конечно, помогли, кто чем, да только все одинаково не богато жили, одежку как-никаку справили, обувь. Мы-то её родителей почти и не знали, а старики обиды не держали, говорят, справедливый был отец-то, не забивал. Даже тех, кто по злобе да из зависти на соборных несурязицу всякую нёс и под раскулачивание подводил. Да и Петьку жалели, дурачков-то у нас все любят, не обижают.

– Вот и я понять не могу, отчего наш-то додумался издеваться?

– Да там не только наш. Все они над дурачком измывались, только раньше-то просто дразнили, а тут...

– Да уж, как фашисты в лагере. Вместо хлеба коровы лепёшки в сумку совать.

Это сравнение с фашистами меня сначала взбесило, а потом заставило залиться краской стыда. Надо же! Меня, который никогда во время игры в войнушку ни за что не соглашался быть немцем, с фашистом сравнили. Я отвернулся к стене лицом, да так и не справившись с обидой, вскоре заснул.

...Как оказалось, попало накануне не мне одному. Мне ещё повезло, потому что широкий ремень не оставлял на заднице рубцов, а у соседского Кольки ниже спины всё было в красных полосках от гибкой вицы, выдранной из голика. Этот урок нас образумил. Больше мы Петьку не задирали, и он теперь смело приходил за деревню, где мы играли то в напрогон-попа, то в звери-охотники. Но в свои игры мы его не допускали, потому что был он раза в два старше нас.

А посреди лета Вальку-кулачку убило грозой. Шла она вечером с фермы, спряталась от дождя под старой сосной, в которую и долбануло молнией, переломив ствол надвое и расщепив до основания высокий пенёк. Нашли её утром, когда доярки пошли на работу.

Бабы на похоронах рыдали, а Петька шёл за гробом с неизменной улыбкой, не осознавая происходящего. Зато, когда гроб стали опускать в могилу, истонно завыл, упал на землю и начал биться в истерике.

Поминальный стол устроили вскладчину, а потом бабы сложили остатки еды и отнесли Петьке в баню.

Утром, собравшись по обычаю пойти на погост, кто-то зашёл за Петькой. Он сидел на лавке в каком-то чёрном балахоне, привычной улыбки на его лице уже не было. Он сидел, низко опустив голову, смиренно подал протянутую руку, послушно встал и пошёл вместе со всеми на кладбище. На спине его чёрного до пят балахона с капюшоном белой краской был нарисован большой восьмиконечный крест.

– Петька-та, – увидев этот наряд, сказала Шура Большая, – истинно схимник какой. Откель только рясу-то взял?

Кто такой схимник, никто из нас не знал, но кличка за Петькой закрепилась сразу. Какое-то время он жил в своей бане, под вечер проходил вдоль деревни с всем хорошо знакомой сумкой из мешковины, в которую сердобольные бабы складывали еду, и отправлялся к себе домой. Смотреть на наши игры он больше ни разу не появлялся.

Говорили, что председатель звонил в район, спрашивал, как быть с инвалидом на всю голову, выслушивал обещания пристроить, куда надо, но дело это, видно, было долгим и канительным, поскольку Схимник-Петька прожил у нас до глубокой осени. А потом неожиданно куда-то исчез. Просто не появился на деревне один вечер, другой. Пошли бабы смотреть, не захворал ли, но в бане было пусто.

Вот так и осиротела наша деревня, сплочённая было заботами об одном дурачке, который сохранился в цепкой детской памяти как Схимник-Петька, хотя имён многих друзей раннего детства я уже и не помню.

Примечание:
Великая схема — это совершеннейшее отчуждение от мира для соединения с Богом. Монах, принявший великую схиму, называется схимником.
В древности великосхимники давали обет — вселившись в затвор, закрыться в одинокой пещере, как в гробу, и тем самым полностью умереть для мира, оставшись наедине с Богом.

Антонина

МАРКОВА

По образованию – филолог, по профессии – библиотекарь, по состоянию души – поэт. Родилась в 1959 году в г. Усолье-Сибирское Иркутской области, больше 40 лет живёт и работает в Тюмени. Стихи пишет с детства. Автор трёх поэтических сборников, более 40 песенных текстов, либретто к музыкальным спектаклям. Руководитель городской детской авторской студии «Верешок». В 2017 году принята в ряды Тюменского регионального отделения Союза писателей России.

***

Студёного солнца натёртый пятак –
В небесной святыне.
Быть может, я делаю что-то не так
И присно, и ныне?

В слова обращаю и радость, и боль,
И снежную замять.
И снова, как прежде, держу пред собой
Наивный экзамен –

Почувствовать сердцем
воздушность зари

И шелк снегопада,
Заслушаться ямбами, что снегири
Твердят за оградой,

Гармонию рифмы легко сочетать
С гармонией ветра,
По свету, по белому их рассылать
В морозных конвертах,

Стихами измерить иные пути,
Душой отогреться...
И солнца монетку с собой унести
У самого сердца...

В ДОМЕ СОННОМ
В доме сонном не спит тишина,
Всё прислушивается сторожко:
Шепчут звёзды в проёме окна,
На кровати мурлыкает кошка.

Различим самый немощный звук,
Что среди ночи царит неугасно,
Даже ходиков медленный стук –
Тишина над часами не властна.

Ходит сон, половицей скрипя.
И в безмолвии слышится звонко,
Как во сне, рассказала себя
Сказка тихо на ушко ребёнку...

ВЕСНА ПРИШЛА ВО ВТОРНИК...
Весна пришла во вторник,
в пять часов,
Пронзив
сквозящим солнцем сеть тумана,
И глухоту февральского дурмана
Взорвав полсотней птичьих голосов.
Весна пришла внезапно, невзначай,
Капелью новорожденной играя,
Дыханием сугробы обжигая.
А ей другую дату назначал
Солидный календарь.
Он возмущён,
Что вдруг порядок времени нарушен.
Но птичий зов ветрами был подслушан
И в южный край на крыльях унесён...
Ещё вчера, казалось, не видна
Прощального мороза неизбежность
И в голых ветках –
ожиданья нежность...
Во вторник,
в пять в Тюмень пришла весна...

Андрей МАРКИЯНОВ СУМАСШЕДШИЙ

В нашем краю, где на сто верст одни поля, изрезанные желтыми оврагами, да березовые перелески, да деревни со стадом в десяток коров, есть большое село Увалы. Там в начале 80-х годов жил некто Василькив, молодой семейный мужик по прозвищу Турок. Невысокий, ладно скроенный и смуглолицый, с шапкой курчавых волос и влажными стоячими глазами. Работал он вечерами кинемехаником в клубе, а дни напролет с неистовым упорством сумасшедшего гнул спину по хозяйству, не разгибался уже несколько лет, вконец замучив и себя, и своих домочадцев. Родом из-под Тернополя, он объявился в Увалах после «срочной» на Байконуре, заехал по дороге домой в гости к бывшему сослуживцу, да так и остался, увлекшись на танцах застенчивой голубоглазой девицей, а через месяц женился на ней.

Все началось с того, что спустя пару лет после рождения сыновей-погодков Турок, не питавший радости к тяжелой работе, спарил со своим огородом соседнюю пустующую землю и засадил ее картофелем. Потом прихватил на отшибе у реки еще приличный кусок, вспахал и удобрил под инозем-

ный лук, чеснок и прочую деликатную зелень, благо вода была под носом. А там и поросят завел на откорм. Жена его работала поваром в столовой, поросята голодом не сидели, но соседи стали шептаться, едва она устроилась подрабатывать – мыть полы в этой столовой и дежурить в ночь на птицеферме. Шептались и, сдается, жалели эту тихую женщину, за несколько месяцев сбросившую привлекательную полноту и потемневшую всегда приветливым, светлым лицом.

Теща тоже не сидела без дела. С утра до вечера возилась то с коровой, то с поросятами, выворачивала навоз, секла кроликам траву, доила, поила, готовила. Она была добрая, как и дочь, женщина, всю жизнь мыкала горе, похоронив после войны мужа – грубияна и пьяницу, и ничему уже давно не удивлялась, искренно верила в Бога.

Каждый год, когда копали картошку, Турок за всемиверял, и случайный прохожий мог слышать, как терпеливо, вполголоса он пояснял родным:

– Копайте шире да глубже. Деньги живые не хороните, криворукие.

И вся семья, еще с пущим рвением, принималась прочесывать огород. Ре-

бят его вообще не было слышно, они даже между собой не ссорились.

Но уход за хозяйством и торговля на рынке районного города не прошла даром. В последние годы он так похудел и сохранился лицом, что стало неловко смотреть на его иссохший нос, запавшие синие щеки и глаза, полумертвые от тяжелой усталости.

Ходил слух, он жутко ревновал жену, нещадно бил ее или выводил в ночной рубаше на мороз и держал там, сколько считал нужным. Бил и ребят за любую провинность, а то и наголо стриг, что по тем временам считалось величайшим позором у сверстников. При всем этом он никогда не повышал голоса, а предвестником очередной жестокой выходки часто являлось подобие улыбки на его смуглом лице с черными непроницаемыми глазами.

Жил Турок вместе с семьей в просторном, обветшавшем доме покойного тестя, но рук к жилью не прикладывал – и так заботы хватало.

И вот, наконец, загадка выяснилась. Василькив купил и пригнал из города новую «Ниву» – медленно проехал по улицам, остановился у дома и долго сидел за рулем, напряженно закрыв глаза, не

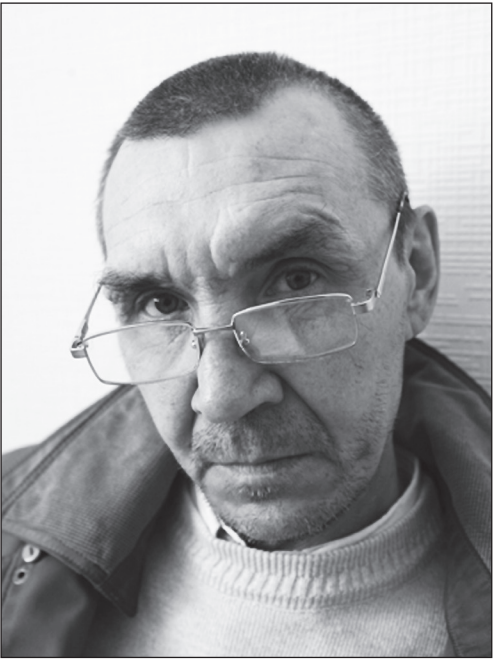
видя ни тещу, ни жену, ни детей, выстроившихся в ряд с самыми разнообразными улыбками... Несчастные люди.

Через неделю Василькив вдребезги разбился – поехал в город получать номера и не справился с управлением, срезался с обочины в кювет на какие-то бетонные балки.

Красную, растерзанную тушу машины, как огромного бора, привезли на грузовике, а сам Василькив, цел и невредим, со смущенной улыбкой руководил разгрузкой. Потом он всю ночь сидел на крыльце, курил, в доме никто не спал, и тишина стояла там жуткая. О чем он думал, глядя на звездное небо, никому неизвестно. В следующие два дня он лишь однажды подошел к машине, но тут же, вздрогнув и улыбнувшись, опять отправился в дом. И еще он много ел в эти два дня, сказала позже жена. Ел, ел и не выпил ни грамма водки, все говорил, облиывая ложку и улыбаясь:

– Эка невидаль. Мне и вовсе не жалко. Еще накопим. Правда, жена?

– Машину не вернешь, – сказал он утром родным и те сбились в кучу. –

Дом вот скоро развалится к черту, делать надо что-то, придумывать...

И закурил папиросу, ушел со двора в огород. Там, среди лопухов присел на корточки, привалился к бане, достал из кармана флакон с электролитом и выпил его до дна.

На похоронах жена так убивалась, падала, цеплялась за гроб, что соседи от неловкости прятали глаза, отворачивались. Не верили в эту прощальную скорбь.

Литературная критика

Елена БОБКОВА, Хабиба ШАГБАНОВА

ДРАМАТИЧЕСКАЯ СУДЬБА РУССКОЙ ДЕРЕВНИ В ТВОРЧЕСТВЕ ЛЕОНИДА ИВАНОВА

Многие исследователи считают термин «деревенская проза» неуместным. Причины несколько: во-первых, в литературе тема деревни отражена не только в прозе, но и в поэзии (Н. Рубцов), драматургии (А. Вампилов) и музыке (В. Гаврилин); во-вторых, тема деревенской жизни – не единственная в произведениях даже самых известных писателей данного литературного направления; в-третьих, не все произведения о деревне относили к деревенской прозе. Таким образом, в основе отнесения произведений к данному кругу литературы лежит не только тематический принцип.

За десятилетия деревенская проза прошла несколько этапов развития, на каждом из которых в ней происходили внутренние изменения. Менялись характеры героя, место действия, отношение крестьян к труду, к собственности. В начале XX века во всех регионах страны определяющим направлением развития становится движение от аграрного общества к индустриальному.

Среди прозаиков современности, которых относят к жанру деревенской прозы, ведущее место занимают такие писатели, как Виктор Астафьев, Валентин Распутин, Александр Солженицын, Василий Шукшин, Федор Абрамов, Василий Белов, Борис Екимов и др. Большинство из них – родом из Сибири. Сибирь как «глобальная мифологема» природности и естественности доминирует в мировом социуме, влияя на характер миграционных процессов.

В произведениях некоторых наших современников, в том числе наших земляков, можно наблюдать вышеперечисленные черты «деревенской прозы», что позволяет нам говорить о развитии деревенской прозы и в наше время. Так, известный тюменский писатель Леонид Иванов в своих произведениях изображает картины из жизни деревенских жителей. Автор знает о жизни деревни не понаслышке. Леонид Иванов родился в Вологодской глубинке, куда были сосланы его родители. С раннего детства, как и все его ровесники, привык к деревенскому труду. Много читал, пробовал писать рассказы, и совершенно случайно его талант был замечен журналистом районной газеты «Волна», в которую он в 17 лет был принят литературным сотрудником.

В рассказах Л. Иванова можно проследить основные темы «лирической деревенской прозы»: прощание с деревней или встреча-прощание, незамысловатые картины сельской жизни, часто объединенные образом рассказчика. Тип характе-

ра главных героев его рассказов – коренные сельские жители, мудрые, добрые, не алчные, трудолюбивые, сочувствующие другим.

Традиционно в деревенской прозе выделяют этот тип в двух его вариантах, к тому же во многом противоположных: герои-праведники и герои-чудаки, несоответствующие стереотипам поведения. Жизнь у них складывается по-разному, а тип психологии один: доброта, совесть, честность. Такие свойства характеров главных героев оказывают влияние и на формы повествования. Именно они исключают острое сюжетное развитие, конфликтные ситуации. Часто переживания и размышления задают тон рассказа, подчиняют себе сюжет, отбор материала и характер его освещения. Поэтому форма некоторых его рассказов и повестей, как правило, не имеет четкого сюжета, композиционное построение достаточно расплывчато.

В деревенских рассказах Л. Иванова часто можно встретить описание незамысловатой обстановки старых домов, возвращающих нас, читателей, к прошлому, к домам наших еще живых и уже умерших родителей, бабушек и дедушек, к той простоте и некой загадочности старинных вещей, которые так притягивали в детстве. Каждый предмет, каждая мелочь знакома нам из детства и вызывает чувство умиления, возвращает в прошлое, будь то выцветшие фотографии, висящие в рамке над столом, старая кровать с панцирной сеткой или чайный сервиз за стеклом в шкафу.

При этом писатель обращается к проблеме связи с родной землей, с домом. Уехав из дома, герой рассказа «Пароходы пахнут огурцами» проносит через всю жизнь воспоминания о том особенном запахе малосольных огурцов, пришедшем из прошлого, воплощающем в себе беззаботность детства в родном доме, маленькие радости от гостинцев. Когда же рушится связь с родной деревней, начинаются беды, возникает бездуховность, потребительский подход к жизни, захватывают жестокость и равнодушные города.

Еще одна эстетическая категория деревенской прозы – «гармония» – образ цельного, гармоничного мира, включающего в себя уклад общественной жизни (дружба, соседство, взаимопомощь), уклад семейной жизни (супружество, любовь, верность), уклад трудовой жизни (труд не ради наживы, а ради благополучия семьи). Сельские жители являются «носителями морали». Их еще не затронули те «новые» ценности, которые несет в себе

город: жажда наживы, суета, нетерпимость.

А как трогательно изображаются отношения между супругами старого поколения деревни. Не всегда все было гладко, но им удалось пронести любовь и бережное отношение друг к другу через всю жизнь. После смерти супруги пенсионер Яков Павлович вспоминает: «На свадьбе у племянника моего мы с моей Наденькой-то познакомились. Так вот сразу ее заприметил, по душе пришлась. Потом вскоре поженились. Так смолodu характерами и сошлись, всю жизнь не ругивались крепко. Помаленьку, по мелочи, конечно, бывало, а серьезной ссоры – не-е-ет, не было» («До ста лет без старости»).

Как это часто бывает, после смерти одного из супругов второй «сгорает», уходит вслед за ним: «Тосковал Федор Андреевич! Ой, тоскова-а-ал. Как Клавдию схоронил, так и затосковал. Оне ить душа в душу шестьдесят годков прожили и, поверишь ли, ни разу не ругивались. Да, тоскова-а-ал. Да и она, видать, там тоже по ему тосковала, вот и забрала к себе. Ить как раз на сроковой день и забрала. Помынули, как полагается, на погост сходили, потом чаю попили, по рюмочке на помин души выпили. Утром прихожу, а Федор-то Андреевич все сидит в красном углу, к стене привалившись. Видать сразу опосля нас и помер сердешный. Слава те, господи, что не намаялся. Тоскова-а-ал дед-то» («Тоскова-а-ал»).

Интересно, иногда немного комично выражается любовь у более молодого поколения. В рассказе «Гостевали» Степан, сделав нехитрые расчеты, покупает водку на все время отъезда жены в санаторий, чтобы заглушить тоску, «ведь за все годы семейной жизни это была первая столь продолжительная разлука». А в рассказе «Проталина» заботливая жена, несмотря на недовольство, отправляется искать по всей деревне бутылку водки для мужа, болеющего с похмелья.

У жителей города совершенно другие ценности и заботы, их интересы чаще вращаются вокруг благ материальных, и не всегда важно, каким путем они достанутся: друг шантажирует друга, желая получить его квартиру, подставляя при этом невинного человека («Пресс»), а молодой женщине в «лихие 90-е» приходится забыть о том, что она – «слабый пол», и взяться за оружие, чтобы защитить свой бизнес и обеспечить себе достойное существование («Супарень»).

В городе царят суета, движение вперед, стремление найти себя, что-то поменять в жизни, и в то же время чувствуется некая утомленность от всего

этого, стремление вырваться из замкнутого круга. Так, женщина средних лет, устав от обыденности, отсутствия эмоций, заводит молодого любовника: «У нее все хорошо. Дома мир и благодать, любящий заботливый муж. Чего не хватает? Остроты ощущений? Ну, в общем-то, да... С годами всё как-то притупилось, стало привычным...» («Мамулька»).

Языковая сторона рассказов Леонида Иванова характеризуется простотой повествования, обогащением литературного языка за счет живой разговорной речи. Используя выражения, принадлежащие к разным стилистическим рядам, автор создает контраст между книжной и разговорной речью, а также подчеркивает различие, индивидуальные особенности носителей этой речи.

Леониду Иванову в своих произведениях удается ярко передать многие реалии «старой» деревни: сохранившиеся традиции, сочетание веры и суеверий у стариков, непонятные, иногда забавные для горожан проблемы, размеренный образ жизни, а также процесс столкновения деревни с новыми ценностями, «завозимыми» из города.

Бобкова Елена Александровна
Родилась в городе Тавда Свердловской области, в 2005 г. окончила дневное отделение факультета романо-германской филологии ТюмГУ. С 2006 года работала в качестве преподавателя иностранных языков в ТЮИ МВД РФ, ТюмГУ, ТюмГГГУ. С 2011 года занимает должность старшего преподавателя кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников ОВД Тюменского института повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел России. Увлекается изучением истории и культуры Тюмени, в том числе творчеством тюменских писателей.

Шагбанова Хабиба Садыровна
Родилась в Тобольске, после школы окончила факультет романо-германской филологии ТюмГУ. Много лет успешно занимается литературными переводами. Директор научно-образовательного центра «Лингва» Тюменского государственного нефтегазового университета. Доктор филологических наук, профессор, член двух диссертационных советов, член Ассоциации преподавателей-практиков России и Франции. Живёт в Тюмени.

Сергей СМЕТАНИН

1966

(поэма о первой любви)

Пролог

Весна цвела. Свет лил во все углы
В обычной однокомнатной квартире,
Где складываться начали — милы —
Мои воспоминания о мире.

Я жил у тётки с бабушкой моим.
Мне шёл тогда четырнадцатый, что ли?
Легко учился в музыкальной школе,
А на баяне был неотразим.

Неплохо нам двоём, казалось, жить,
Заботясь друг о друге понемножку.
Я должен был полы сегодня мыть,
Из овощного принести картошку.

Смешные цены были в это время —
Три пятачка за целый килограмм!
Я дань отдам скворчащим беляшам,
Определённо, в следующей поэме.

О винограде! О сырниках!
О том, что в меню!
Гуляш, окрошка, драники, пельмени!..

Я перед вами встал бы на колени,
Но своему герою не вменю.

Пусть по полу спокойно возит тряпкой,
Живёт без капитала и вранья,
Пусть ходит в школу
с неизменной папкой,
Осознавая собственное «я».

Пусть тётка в дневнике его находит
Лишь то, чем возгордится вся родня.
Пусть в жизни у него, как у меня,
Лишь лучшее блистательно выходит!

Она жила со мной в одном дворе,
Как все, играла в баскетбол за школой
И по весенней, солнечной поро
Была такой же солнечно весёлой,

Небесно и светло голубоглазой,
Красивее красавиц из кино —
Так ярко, что в глазах моих темно
Непостижимо становилось сразу.

Казалось, будто обликом она
Меня неслышно, внятно окликала,
Тревожащей загадкой полна,
Манила за собой и прогоняла.

Я даже (мне неловко вспоминать)
Подглядывал за нею из подъезда —
Пытался ту загадку разгадать,
Но было всё, ей-богу, бесполезно.

Ухаживать я просто не умел,
Об этом лишь мечтая осторожно:
Сводить в кино, нести портфель,
возможно —
Подростковой фантазии предел.

События тянулись не спеша,
Уроки в школе, музыка и книги —
Всё впитывала юная душа
Витальным¹, хлебным запахом ковриги.

Был несравненным каждый новый день
И свежим,
и насквозь прозрачным воздух,
Порою мысли были набекрень
О космосе и настоящих звёздах.

Ходили на экскурсии всем классом
То в политех, то на завод СК².
Вела нас трелью школьного звонка
Судьба ширококлёшая за запасом.

Олимпиады, химия, труды,
Басейны, танцев балльных искушение
Влекли в неутомимое движение
Философа, пока без бороды.

И сломанные лыжи, и коньки,
И караси с удачливой рыбалки...
И были эти мелочи не жалки,
Поскольку чувства были высоки.

Мне как-то надо девочку назвать.
Ну, скажем, Лена.
Лена Кудряшова.

Я был влюблён
в полном смысле слова
И, видимо,
не мог того скрывать.

Однажды одноклассник Игорёк,
С которым за одной сидели партой,
К себе моё внимание привлёк,
Изображая фокусника с картой.

И вдруг пообещал мне раздобыть
В подарок фотографию Елены.
Я клюнул на слова его мгновенно,
Не размышляя. Так тому и быть.

Три долгих дня обещанного ждал,
Но представлял подобное едва ли:
Меня немилосердно разыграли
И фото Игорь детское достал.

Я взять его, конечно, отказался
Совсем разочарован и уныл.
Я маленьких девчонок не любил —
С сестрёнкой младшей
«горя навидался».

И далее пошло всё, как обычно:
Учёба, книги, музыка, мечты,

По общим меркам —
скромно и прилично,
Без паники и лишней суеты.

В ту пору мы сдружились с пареньком,
Который жил площадью пониже.
Учился он в училище речном,
Был по природе к реализму ближе,

И тоже был Еленой пленён.
Пусть и не так возвышенно влюблён,
Но понимал мои переживания,
Лирические думы и мечтания.

-----
1. Витальный — жизненный, относящийся к явлениям жизни.
2. Завод СК — Завод синтетического каучука в г. Омске.

РАССКАЗЫ

БЕСШТАНАЯ КОМАНДА

Что помню незабвенно: первые сапоги мне купили только перед школой, значит, было мне о ту пору шесть лет. Это документально подтверждено. Случайно или не случайно, но именно в тот день отец впервые сводил меня в фотографию, где колдовал знаменитый деревенский маэстро Морс Иоганнович. На сохранившемся произведении его фотоискусства меня распирает от гордости. На мне такие же сапоги, как у отца — кирзовые. До этого никаких сапог у меня не имелось. Валенки зимой — да, сосед дед Баранников валял их и для детей. А как же я без сапог обходился? Точно — никакой летней обуви мне родители не справляли. Значит — кончилась зима, скинулись валенки, и — босиком. До нового первого снега. Точно помню, первые ручьи потекли, и мы всё босиком по ручьям и лужам. Цыпки (это такая жесткая короста на ногах, да и на руках тоже) — и были лучшей обувкой. Какие-нибудь калошки, заморские сандалики, тапочки — нет, не вспомню. Босиком. Всё лето вдобавок с куском весны и ранней осени. Кажется, так.

А если тебе настоящие сапоги справили, кирзовые, ну ты уже взрослый. Как не погордиться!

Над сапогами — штаны. С лямками по тогдашней деревенской моде. Штаны точно шила мать. И тоже — в дошкольном возрасте. Поздненько. А без этого — без штанов. Не запрещалось гонять без штанов, голопопо, и по улице ФЗМК, и по улице Школьной, и по улице Валерия Чкалова, тем более — по улице Пролетарской.

На материнском сленге это так и прозывалось: бесштанная команда.

Эй, бесштанная команда, домой!
Почему так? Да не было у наших ссыльнопоселенческих матерей ни денег, ни материалу на эдакую роскошь — штаны.

Вот эти отглаженные и с лямками — такие удобные. Конечно, лучше, чем у Валерки. Колька, тот всё еще без штанов, не дорос молокосос.

А рубашка какая симпатичная! Наверное, из ситчика. В полоску. И пуговочки на воротнике. Всем ковбоям и плейбоям на зависть! Не магазинная. Мамка шила. У мамы привезенная из Белоруссии старинная швейная машинка.

Может быть, «Зингер», может, и того лучше.

В деревенском селу в конце сороковых детской одеждой не торгуют. Да если бы и торговали — ни у кого из могочинских семей таких бешеных денег нет на магазинную рубашку. Не разбежишься на 47 рублей папкиного месячного заработка. Поэтому у моей мамы главная проблема — достать материал попроще, нитки покрепче, чтобы сносу на побольше хватило. Но на этом неугомоне всё мгновенно горит. Как ни берегись.

Матушка ворчит на всякий случай: — Угомонись!

Вот я на фотке в третьем уже классе. Мать мне справила курточку из дорожного вельвета. Конечно, самого дешевого, но — вельвета. И карманички на молниях! Да у меня мамка — выдающаяся портниха. Какие у нее уютные, теплые и ноские рубашки. Честно простеженные теплом ее суховатых горячих рук.

И чего там завидовать ковбоям? Они же тоже сами себе свои простежки штаны шили.

МИРАЖ ПЕЛЫМА

Никому, да и самому себе тоже, я четко не отвечу: что же меня так потянуло, тянет — уже несколько последних лет! — в Пелым.

Самый исчерпывающий ответ: — Заклинило.

Самый честный. Других причин нет.

— Пелым-пело, — сказал бы мой великий друг мансийский искусник Петр Шешкин, который мягко выговаривал звук Б — белым-бело.

...Нет, нынче нас сам Пелым не примет.

Пелым — вариант исторической судьбы Сибири.

Хотя он — всего на расстоянии локтя, который не укусишь. Дюжина вёрст. Сдается, взглядишь попристальнее, и что-нибудь прорежет в снежной пленке — скажем, контуры старинного храма. Но это, скорее, миражи сознания, увидеть то, что не запечатлелось на сетчатке глаза.

Глубокая снежная целина. В невеликой Пуксинке, ближнем к Пелыму живом селении, нет мощного трактора, который бы пробился через этот — до

двух метров целик — сугроб. Не подпускает Пелым.

Так что же меня так манит, так тянет, не отпускает? Ведь уже который год — пятый — под всякими неблагоприятными предложениями: то распутица, то времени нет, то звезды не отпускают — не так встали — всё откладываю-переношу. Не прощает Пелым. Ведь я все время его откладываю «на потом».

Пелым? Год основания — сразу за Тюменью: 1587-й. Сохранившаяся церковь там всё-таки — середки девятнадцатого, а не первоначального шестнадцатого века. Магнит притяжения — этот храм на пустыре?

Наверное, и это. Всё прошло и рухнуло, ушло в небыть, а он стоит. Одинок и наверняка величественен. Среди долины ровные... Дуб веры. Крепкий дуб крепкой здешней веры.

Всё проходит — камни остаются. Но и камни рассыпятся в прах.

А память остается?

Увидеть этот сюрреализм: пустой голый храм на заросшем пустыре. Болота, низины, осинники, буйные травы и бурьян забвения. Берег реки Пелым.

А сейчас, в начале января — только снега («пелым пело») глубокие и непроходимые.

Но не только нежилой одинокий храм, забытый в тайге.

Они начинали вместе, Пелым и Тобольск. И у Пелыма был шанс стать столицей освоения Сибири, тогда, в конце шестнадцатого века. После Ермака. ПостЕрмак. Был, был шанс.

Но судьба так распорядилась. Он, Тобольск, воскрешается и процветает, красив, непоколебим и величествен — во все времена. Хотя тлен забвения временами покушается и на него. Но, выбрав космическое место для Тобольска, его основатели присудили ему долгую, если не вечную жизнь.

А Пелым... Травы забвения. Снега забвения.

Судьба распорядилась. Или... Проиграл Пелым свою судьбу?

Трудная судьба не предполагает легкомыслия и легких побед.

Русские управляющие государи любили Пелым как существенное местечко для высокопоставленной ссылки. Сюда угодили первые Романовы, Михаил с Василием — не царской еще династии, но Рюриковичи. Фаворит и проходимец барон Бирон коротал здесь пару годиков свои бранные дни. И двадцать лет пелымских ссыльных будней досталось

Анатолий ОМЕЛЬЧУК

достойному петровскому кондотьеру с трудновыговариваемым именем Бурхгард и с простой фамилией Миних. Впрочем, ленивые русские быстро переименовали его в благопристойно звучащего Христофора Антоновича.

Фельдмаршал Миних — предтеча Суворова. Славный вояка на русской бранной службе.

О чем он, Миних? Удачливый полководец. Непугливый фельдмаршал. Проигравший конкурент. Его в Пелым отправили прямо с плахи. Его ждал топор палача, а выпало счастье — Пелым. В Пелыме смиренно дил ссыльные будни Антоныч Миних.

Всё по-настоящему, но был ли счастлив в Пелыме суровый ландскнехт Миних? — с невыговариваемым именем Бурхгард — в Пелыме — трудном сибирском месте, но далеко от жестоких врагов и столичных интриг? И почему я о нем вспоминаю, остро переживаю за давнюю Беспощадную несправедливость и за него самого? Был бы он только очередной победитель турок — кто бы вспомнил? А узник, ссыльный, гонимый, почти казненный — повод остаться не только в истории, но и в памяти потомков. Таковы парадоксы: причины народной памяти — жестокая императрица несправедливости.

Но какой знатный огород развел Миних в Пелыме! Высшее выражение знатности. Вельможа и в огороде обязан быть доблестен и благороден. Огород — последнее поле боя.

Радость давешних пелымцев. Сказка. Миних для местных — сказочный персонаж. Меченосец на огуречной грядке. Фельдмаршал сибирского города. Здесь, на топких пелымских берегах он научил местных садить первые в Сибири огурцы (собственный пелымский рассол — уже с 1742 года), развел невиданный сад, на скотном дворе, кроме лошадей, держал быков, коров и телок. Сам косил сено. Цветы рассаживал. Вон сколько ромашек за ссыльной околицей, но добродетельный фельдмаршал собственноручно сажал и тюльпанные луковички. Огород — это свобода!

Пелым неустойчив! Козырное место. Пелым непостижим.

Жди меня, Пелым. Как ни встретиться, зачем разминуться? Где здесь фельдмаршал Миних морковь сажал?

Постой-ка, стой-ка. Что означает грозное неметчинское слово: фельдмаршал? Да проще простого: полевой командир. Маршал с полем битв. Но почему только битв? А просто полей... Всё верно — Миних: бригадир сибирских полей, ну или — огородов. Большая доблесть. Главный почет для вояки. Миних — родоначальник богатого сибирского огорода.

Открывал для себя Пелым. Открыл — Миниха. Фельдмаршала с лопатой.

Подвиг ермаковского масштаба. Это тебе не мечом махать.

КОЗЫРНАЯ ФОРМУЛА ФЕЛЬДМАРШАЛА МИНИХА

Ба!
Чуть совсем не забыл! сказать о главном. Графу Бурхгарду Кристофу фон Мюнниху, русскому фельдмаршалу Христофору Антоновичу Миниху принадлежит козырная фраза, коронная:
— Россия напрямую управляется Богом — иначе объяснить существование этой страны невозможно.
Фундаментальное определение! Напрочь — на века. Насквозь на все времена и скорее всего — до окончания человечества! Формула вечной России. Формула бессмертной — как Бог! — России.
Екатерина Великая знала, кого назначать сибирским губернатором.
Не уточнял, где и когда Миних это сказал или написал. Да и — не хочу уточнять. Хочу надеяться, что сказал это граф-фельдмаршал уже после своей сибирской ссылки. Сибирь надоумила. Сибирский Пелым добавил доблестному вояке житейской и государственной мудрости.
Такое — мудрейшая мысль! — пожалуй, может прийти в голову только на скудном сибирском огороде, когда прорезался и обнаружился первый долгожданный пупырчатый огурчик.

ПАМЯТИ АНАТОЛИЯ ВАСИЛЬЕВА

На 82-м году жизни ушёл из жизни тюменский писатель, заслуженный работник культуры РФ, кандидат медицинских наук Анатолий Иванович Васильев.

Он несколько лет, после тяжёлой операции, мужественно боролся с болезнью. Имея медицинское образование, прекрасно понимал всю серьёзность проводимых обследований, но не падал духом. По крайней мере, не давал повода для проявления жалости или сострадания.

Я навещал его дома за несколько дней до его ухода в мир иной, мы говорили о завершении романа «Юг», первые части которого уже были опубликованы в альманахе «Врата Сибири», о предстоящем 55-летию писательской организации, руководить которой ему довелось некоторое время, о двадцатилетии созданного им литературно-художественного и историко-краеведческого альманаха «Врата Сибири», где печатались лучшие поэты и прозаики современной России.

Сменив Анатолия Ивановича на посту редактора альманаха, я несколько изменил политику издания, но ни разу не слышал от него ни слова упреков, что художественный уровень альманаха немного снизился за счёт того, что вместо именитых мастеров слова на страницах стало появляться много молодых авторов.

Далеко не все любили его за вездливость, строгие требования к качеству рукописей, за меткие эпиграммы и колкие шутки, но при этом все уважали Анатолия Васильева за высокий профессионализм, знание под-

нимаемой темы, умение видеть главное и подсказать ошибки, за его реальные дела. А женщины любили его за аристократизм, за всегда безупречный вид, за галантность, умение делать комплименты.

Анатолий Васильев в трудные 90-е сумел создать газету «Казачья застава» набиравшего силу в ту пору казачьего движения, потом убедил губернатора основать литературный альманах «Врата Сибири» и 15 лет был его главным редактором, пока болезнь не заставила отложить важные дела и заняться исключительно литературным трудом.

Начинал Анатолий Васильев со стихов. Его первый поэтический сборник «Под одним небом» был издан ещё в студенчестве, когда учился в Омском медицинском институте, потом вышло ещё девять сборников стихов, а через какое-то время серьёзно занялся исторической прозой, написал повести и романы о декабристах и документально-художественный роман об Ишимском восстании «Отвоёванная Россия». Но тема декабристов не отпустила писателя до конца жизни. Его роман «Юг» остался недописанным, но остались для почитателей его таланта другие книги, осталась в память об ушедшем писателе библиотека его имени в Ишиме, продолжает выходить созданный им альманах. И осталась о прекрасном человеке добрая людская память!

Леонид ИВАНОВ,
ответственный секретарь
Тюменского регионального отделения СП России

Анатолий ВАСИЛЬЕВ

СТИХИ О СТАРОМ ГОРОДЕ ТАРЕ	Кого учить?!	Мы так друг другом бредили,
Торовата Тара товарами.	Сплошная грамотность.	Как невозможно впредь.
С тароторкою тарабарской	Любой на выкладки горазд.	Ах, этого бы, третьего,
Деревянными тротуарами	И все сомнительнее крайности,	Глаза мне разглядеть!
Люд торговый ступает по-барски.	И все прищуреннее глаз.	Не надо указательным
А за высающимися заборами –	***	Оттаивать стекло.
По кирпичной кладки амбарам	Некогда дань платить мелочам.	Уже не обязательно.
Штучки шелка с мехами отборными,	Падают звезды по вечерам	И время истекло.
Плюш и хна, и бады с нектаром.	В стынувший август, в густые овсы –	И только льдинка голоса:
Торовата Тара товарами.	И останавливаются часы.	Не надо – уходи!
Бродит Тара большим базаром.	Тихо, как в зале после спектакля.	Все колетса, и колетса,
Пахнет жареным, пахнет пареным,	Капают с крыш монотонные капли.	И колетса в груди.
Пахнет свежим и залежалым.	Веско и выразительно – будто	***
И нет-нет над лесами окольными,	Капают кровные наши минуты...	Вот и кончено – расстаемся.
Чтобы звонче смеялось злату,	***	Ничего не поняв ладом,
Восемнадцать церквей колокольнями	Ах, какая ты рыжая-рыжая!	Ухожу – уезжаю из Омска,
Бронзу густо сыпать заладят.	Было просто сердце обжечь.	Будто свой оставляю дом.
Ох, темны, ох, темны беззвездные	Под какими надежными крышами	Я боюсь твоего молчанья.
Опускаются ночи над Тарой.	Это пламя надо беречь?!	И другого боюсь, прости, –
Прикорнув на земле разостланной,	Брови сходятся у переносицы.	Из годов и далее к началу
Спят юрдивые у тротуаров.	Мне понятно давным-давно:	Одиноким скитальцем прийти.
Спят под стражей отцов и горничных	Не успеешь мигнуть – перебросятся	Только лучше не быть пророком
Дочки, пышные как опара...	На соседний квартал оно.	На исходе этого дня.
Ни руля, ни стяга, ни кормчего	Ветер искрами раскаленными	Оставайся. И ненароком
Нет у грузного струга Тары.	Полетит на мои пустыри...	Еще раз не предай меня.
НА ЗЕЛЕНОМ ОСТРОВЕ	Только я из огнепоклонников,	***
Владимиру Пальчикову	Ты не слушай меня – гори.	Умерла моя мама. Отхлопотала.
Иртыш не знает счета верстам.	***	Отколдовала руками мучными.
Не помнит счета лет и зим.	Сумасбродная, непослушная,	Остановились под стулом устало
Выносит нас Зеленый Остров	Все срывающаяся в беге,	Бесшумные мамыны туфли ночные.
В работу, молодость и синь.	Я засею твоими веснушками	Сиреневый запах. Кленовые бусы
Заходим в дни широким руслом.	Удивившиеся луга.	Звенят в палисаднике после цветенья.
Рисковой скорость у излук.	И когда голубой околесицей	А в доме без мамы безмолвно и пусто,
Все так же путь волнами устлан.	Май пройдет по земле через год,	По стенам пугливые мечутся тени.
Все так же даль и ширь вокруг.	Столько рыжих ромашек в окрестности	Мелькают года, как в дороге селенья
И солнца вешняя крамола,	Из веснушек твоих взойдет!	Но с прежнею болью –
И вешний гром, и вешний дождь,	На увале любом, в низинке ли, –	Щемящей, бездонной –
И остается за кормою	Где б твой путь ни лежал незрим, –	Тепло материнского прикосновенья
Все проходящее и ложь.	Встанет каждая не былинкою,	Хранит еще каждая вещь в нашем доме.
***	А признаньем моим живым.	ПРОИЗВОДСТВО В ОФИЦЕРЫ
Все те же споры в свете ламповом.	***	Лейтенанты целуют знамена.
Позмы. Формулы. Мазки.	Весь мир зови на выручку	И познабливает слегка
Друзья отчаянно талантливы –	И ниц пади, моля.	От торжественного холодка
Хоть отойди да шапку скинь.	Прощайте, Ира-Ирочка,	На притихшем плачу батальоны.
Их соль и суть – упрек насмешливый	Хорошая моя.	Пролетают эпохи в мгновеньях.
Мастеровым и мастерам.	Не разобраться в ребусе:	А они в переплеске погон
Их тесто так давно замешано,	В душе темным-темно.	На колено встают у знамен,
Пора бы быть и пирогам.	В пустующем троллейбусе	Чтоб не знать, как стоят на коленях.
А вот увы. Смолкаешь замкнуто	Замерзшее окно	
И локти вдавливаешь в стол.		
Уж возраст за полдень, а сам-то ты		
Как далеко от них ушел?!		

***	Сам с собою один на один.
Дощатый мост. Дорога на Ишим.	Не находит душа причала.
Над маревом плывущие увалы.	Научи меня быть молодым –
И чибисы, над зарослями тала	Остается времени мало.
Взлетающие с утренних лощин.	***
И свет из тех послезакатных сит	Да, господа, не слабо!
На западе в июле перед жатвой,	Тяжек с похмелья день.
Когда с покоса бойкая лошадка	Рядом валяется баба,
Под сумерками весело трусит.	Грязная, как Тюмень.
И колкая сентябрьская стерня.	Не завожу знакомства.
И паутин сентябрьское касанье...	Между нами черта.
Родись я под другими небесами –	Все-таки я из Омска,
Во мне недоставало бы меня.	Все-таки не чета.
***	***
Люблю неторопливые слова.	Небосвода осенняя полинь.
Неторопливо падает листва.	Перелесков степных рыжина.
Неторопливы дни в лесу осеннем.	И живешь ты в неведение полном,
Дымы неторопливы над селеньем.	Что судьба твоя предreshена.
И журавлей в заоблачный разлив	Деды-бабки очьми отмерцали,
Нетороплив полет. Нетороплив.	Отмолились в углу на свечу.
***	Пролечу, прозвеню бубенцами
Александру Гришину	И тебя на лету подхвачу.
Научи меня быть молодым.	***
Дни не встанут в розовом дыме.	По огнищам, урочищам, поймам
Просто с пыльной тропинки алтын	Жизнь раздарена музам и узам.
Ни гроша не имевший поднимет.	Кто-то призраком счастья был пойман,
Никаких чудес в решете.	Кто-то, кажется, не был им узнан.
А такая малая малость:	Нас к заутрене колокол будит,
На какой-то далекой версте	Будят ранние автомобили.
Что-то очень мое потерялось.	Мы считали, что все еще будет,
	Оказалось, что все уже было.

Редакция «Омского времени» приносит свои искренние извинения тюменским писателям, чьи безусловные талантливые произведения не попали на страницы настоящего номера.

С праздником, друзья!